

«Философия диалога» М. Бахтина как методология аргументативного дискурса

© С.Е. Крючкова¹, А.В. Чернышева²

¹Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, 125993, Россия

²МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Выявлены методологический и эвристический потенциалы «философии диалога» М. Бахтина, имеющие актуальный характер при рассмотрении проблемы трансляции смысла в ходе аргументативного дискурса. Показана значимость бахтинской концепции Другого, которая может быть использована в качестве онтологической основы в ходе создания когнитивных моделей аргументации, центрирующих адресность аргументативного воздействия, основанного на учете особенностей «мысленного поля адресата» как основного фактора при выборе аргументов. Методология исследования опирается на принцип диалогизма как метод изучения Другого в аргументации, феноменологический подход Э. Гуссерля к пониманию субъекта как необходимой стороны процесса убеждения, неориторический проект Х. Перельмана, расценивавшего аргументативный дискурс как способ достижения согласия, а также на теорию «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса, трактующего коммуникацию как кооперативный вид диалогового взаимодействия.

Ключевые слова: коммуникация, диалог, аргументация, Другой, «философия диалога», когнитивная модель аргументации

В условиях повсеместного распространения цифровых технологий в XXI в. актуализировался вопрос о необходимости нового философского обращения к проблеме диалога, сущность которого претерпела весьма серьезные изменения. Если на протяжении веков в диалоге видели способ общения рационально мыслящих людей, ставящих своей целью отыскание истины, а также путь установления социальных связей, позволяющий снять отчуждение между Я и Другим, то сегодня с развитием информационно-коммуникативных технологий и появлением новых форм аргументативных дискурсов, за счет которых осуществляется «встреча умов» (Х. Перельман) в виртуальном пространстве Сети, диалог «становится не столько формой сближения, интеграции субъектов, сколько формой автономности, обособленности индивидов» [1, с. 442]. Диалог как средство обоснования точки зрения в реальной речевой деятельности меняется сам и логикой своего развития влияет на выработку новых стандартов полемических коммуникаций.

Диалогическая традиция имеет давние исторические корни как на Востоке [2], так и на Западе, где, начиная с древнегреческой практики агона и с Сократа, диалог неоднократно становился объектом внимания философов. Очередной крупный всплеск интереса к диалогу начался в XX в. и был связан с массовизацией коммуникативных процессов

и появлением практической потребности в разработке норм и стандартов аргументативного дискурса, нацеленного на достижение рационально-прагматического консенсуса. Последняя задача сегодня возлагается на теорию аргументации (ТА) — широкое научное направление, фокусирующееся на исследовании диалогической природы и составляющих аргументативного дискурса, механизмах взаимосвязи в нем коммуникативных и когнитивных структур, и в силу этого выступающее областью пересечения интересов как философов, логиков и психологов, так и специалистов в области лингвистики, риторики, конфликтологии, теории принятия решений, феноменологии и др. В современной ТА аргументация рассматривается как критический диалог, цель которого — достижение взаимопонимания или взаимовыгодного компромисса в ходе «живых речевых ситуаций, называемых дискурсами, которые только отчасти могут быть формализованными средствами логики» [3, с. 8].

В той исследовательской области, которую сегодня называют «теория аргументации» или «теория критического мышления», термин «теория» достаточно условен, так как, несмотря на логико-диалектико-риторическую традицию, идущую от софистов, Сократа и особенно Аристотеля с его учением о диалектическом силлогизме как способе доказательства для Другого, в котором посылки являются продуктом диалога («Топика»), речь скорее идет об учении или искусстве убеждать. Несмотря на серьезное современное продолжение античной традиции построения теории «общих мест» («топов»), начатое неориторикой Х. Перельмана и представленное целым рядом концепций, среди которых сегодня наиболее влиятельными являются неформальная логика (Р. Джонсон, Э. Блейер), прагматическая диалектика (Ф.Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст), формальная диалектика (Э. Барт и Э. Краббе), радикальный аргументативизм (О. Дюкро, Ж.-К. Анскомбр), системный (В.Н. Брюшинкин) [4], когнитивный (в различных модификациях) и другие подходы, строгой и общепринятой модели теории аргументации до сих пор не создано [5]. Во многом это объясняется самой природой аргументативного дискурса, в котором в неразрывном единстве существуют две разнородные познавательные процедуры — обоснование и убеждение [6, с. 14, 15], в силу чего представителям перечисленных концептуально-методологических подходов не удалось преодолеть их противопоставление. Несмотря на многочисленные попытки, оказалось невозможным «примирить» дескриптивную и нормативную оптику рассмотрения, а значит, найти способы убеждения, способные гарантировать согласие адресата [7, с. 213]. Очевидно, что проблема требует многоаспектного анализа и поэтому в ходе поиска нормативности для аргументативного дискурса, определяемого специфическим когнитивным опытом, необходим выход не только в прагматику, что сегодня уже делается, но и в более широкий философский контекст.

Этот контекст предполагает учет онтологических предпосылок и исследование гносеологических механизмов диалога, т. е. тех аспектов, которые составляют «метафизику диалога». Ее основанием выступает «коммуникативное пространство», обозначающее особый аспект реальности, выделяемый в онтологической картине мира, наряду с языковым, ментальным, социальным и физическими пространствами [8, с. 53]. В этом пространстве смыслов культуры происходит столкновение ценностных установок и индивидуальных особенностей субъектов — участников диалога [9].

Важнейшее место в исследованиях проблем аргументации как «коммуникации с обратной связью» [10, с. 269] занимает возникшая в XX в. «философия диалога», чьи идеи сегодня переосмысливаются заново. Ее представители — М. Бахтин, М. Бубер, М. Библер, Э. Левинас и др. создали парадигму диалогизма, рассматривая диалог как «онтологическую ось жизни» [11]. Так, по мнению отечественного философа Бахтина, диалог — это не столько способ коммуникации, сколько подлинное «событие бытия». Бытие человека изначально диалогично по своей сути, потому что именно в диалоге, ведущем к «многоголосью бытия», создаются все смыслы и значения культуры. У человека нет суверенной территории, так как все находится на границе своего и чужого: отграничивая себя от Другого, Я конституирует свою идентичность в коммуникативном пространстве диалога с Другим. Человек смотрит в себя глазами Другого [12, с. 344], Я не может узнать себя без сообщения Другого о том, каково Я, а также узнать о том, что хочет Другой [13]. И только затем, преодолевая эгоистическую мотивацию [14, с. 42, 43], человек выстраивает мосты консенсуса к Другому как равноправному рационально-этическому субъекту.

Традиционное истолкование диалогизма Бахтина как имеющего в первую очередь эстетико-герменевтический характер [15, с. 64] из-за того, что философ «одномерному гносеологическому разуму противопоставляет диалогический художественно-гуманитарный разум» [16, с. 191], затеняет онтологический аспект его подхода. Подход заключается в том, что конструктивный диалог, который философ распространяет на все сферы человеческой жизнедеятельности, «имеет силу и значение всеобщности, имманентно присущей человеческому сознанию» [17, с. 197], поэтому диалог никогда, в сущности, не может кончиться [18, с. 473]. «Быть» для М. Бахтина означает «общаться диалогически» [19, с. 299], главная цель такого «незавершимого» диалога — социальное действие, событие, поступок («Философия поступка») [20].

В связи с этим у Бахтина концепт «Другого» приобретает статус важной категории, поскольку данный концепт «укоренен» в сознании Я, обладающего «избытком видения» и желанием одарить им (испытыва-

ющего в этом даре «абсолютную нужду») Другого [21, с. 164]. Проблематизацию Я и Другого в философии XX в. осуществляли многие мыслители (К. Ясперс, Г. Марсель, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю и др.) [22], однако наиболее активно она велась в феноменологии Э. Гуссерля, одним из первых задавшегося важным вопросом: как можно понять ментальность Другого? Этот вопрос является фундаментальным для разработки методологии ТА, так как основная цель аргументации — убеждение одним речевым субъектом (аргументатором, пропонентом) другого субъекта (адресата, оппонента), воспринимающего речь первого через призму своих личностных смыслов, и/или аудитории (универсальной или специальной) в истинности (если аргументация в форме доказательства) или справедливости, приемлемости (если аргументация носит недемонстративный характер) транслируемой точки зрения (тезиса).

Отвечая на вопрос: «Как я могу конституировать в себе другое Я?» [23, с. 162], основатель феноменологии описывает механизм моделирования сознания Другого, позволяющий затем подбирать релевантные для него доводы. Я при этом, по мнению Гуссерля, использует метод аппрезентативно-апперцептивного переноса, напоминающий аналогию. Эта гуссерлевская интерпретация Другого как феномена сознания Я оказалась важной для исследования аргументации, потому что она сняла жесткую субъектно-объектную дихотомию (как рецидив монологизма), заместив ее субъект-субъектной моделью, согласно которой субъект-аргументатор, транслируя свой личностный смысл адресату, стремится изменить его позицию путем воздействия на личностную концептуальную систему последнего. Вместе с тем методологическая ценность феноменологического подхода, несмотря на наличие в нем продуктивной идеи интерсубъективности, оказалась не столь велика. В силу контекстной зависимости феноменологический подход не смог стать методологической основой нормативности для ТА [5, с. 50], тем более что в гуссерлевской версии Другой — лишь образ Я. В диалоге с таким субъектом «за скобками» оказываются индивидуально-психологические характеристики, важные для аргументативного дискурса, нацеленного на убеждение, что обесмысливает аргументацию в диалоге.

Преодолевая ограниченность гуссерлевской концепции, Бахтин утверждает наличие непреодолимых преград, делающих невозможным превращение внутреннего мира Другого в традиционный для науки объект изучения. Он отвергает в этом случае возможность использования методов объективного анализа, хотя не отрицает значимость логических и предметно-смысловых отношений в диалоге. Именно этим объясняется отрицательное отношение Бахтина к «объективной психологии» и «психологии вчувствования», ведущих, по его мнению, к отождествлению Я и Другого [19].

Четко различая два вида адресата убеждения: реального и воображаемого, Бахтин пишет о необходимости в аргументативном диалоге ориентироваться на реального. Воображаемого субъекта он называет «лазеечным». Несмотря на такую пренебрежительную характеристику, философ, тем не менее, признает его функциональную полезность в качестве конструктивной стратегии, имеющей методологическую значимость не только потому, что попытки постижения смысла Другого вынуждают Я «выговаривать свой собственный» [24, с. 61], но и потому, что «через голову» воображаемого адресата субъект-аргументатор в отдельных случаях может более успешно подобраться к реальному субъекту-адресату [20, с. 305].

Бахтин исходит из признания, с одной стороны, независимости субъектов, вступающих в диалог, их «неслиянности», инаковости, иначе диалог невозможен, а с другой их внутреннего единства, «нераздельности» в ходе «приобщения к intersубъективной реальности бытия» [8, с. 74], когда Я и Другой сходятся в третьем (intersубъективном) мире, где происходит не обмен монологами, а обмен рожденными в диалоге идеями «свободных людей, слушающих и понимающих друг друга, безбоязненно и равноправно общающихся между собой, заинтересованных друг в друге и не совпадающих друг с другом, создающих в диалоге свою уникальность» [25, с. 140]. Intersубъективный мир — это пространство со-творчества, «царство свободы» [26, с. 121], где основой выступает не «вчувствование», предполагающее стремление с помощью принципа сочувствия понять позицию Другого [27], а значит осуществлять отождествление Я и Другого, а диалог, в ходе которого Другой репрезентирует сам себя.

Субъект-субъектная аналитика аргументации сегодня развивается в когнитивном подходе (А.Н. Баранов, Д.А. Пospelов, В.М. Сергеев, В.Н. Брюшинкин и др.), нацеленном на максимальное приближение к естественно-языковым рассуждениям. Для представителей этого подхода аргументация — форма мышления субъектов, постоянно изменяющих друг друга в ходе коммуникации. Таким образом, они центрируют субъективность аргументации, обращая внимание на оценку когнитивных способностей участников диалога, их возможности понять и принять другую точку зрения, а также механизм порождения аргументатором системы аргументов на основе диагностики «мысленного поля» адресата (включающего, по мнению И. Канта, знания и убеждения, мнения и веру) [28, с. 4]. Условием такой диагностики умственной деятельности Другого является наличие у адресата области смыслов, доступных для изменения. Большое значение имеет наличие права «включиться в открытое пространство диалога и самостоятельно выбрать позицию» [29, с. 131], а также желания это сделать, а не занять пассивную позицию, когда в ходе спора участник не проявляет стремления

к сотрудничеству, оставаясь непроницаемым для иного Я, закрывая области смыслов, доступных для изменения.

В связи с этим на представители когнитивного подхода в первую очередь используют принцип «адресности» как нормативное требование максимального учета внутренней репрезентации аргументатором ценностных представлений и личности субъекта-адресата, для убеждения которого затем порождается тот или иной набор «эффективных» аргументов. Вместе с тем характерное для «когнитивистов» центрирование на императиве адресности аргументации не объясняет эмпирически наблюдаемый «парадокс анонимности», а именно: существование множества фактов *безадресных*, но успешных аргументаций, примеры которых есть не только в науке, но и в других социальных практиках, особенно в художественной литературе. Так же как и обратный феномен: «история науки полна примерами, когда ученые, отстаивая уже найденную ими истину, не смогли убедить в ней своих коллег» [30, с. 42], т. е. даже строгое обоснование (логическое доказательство) может не восприниматься субъектом-адресатом, так как приводимые аргументы являются чуждыми его личностным ценностным смыслам или не согласуются со сложившейся картиной мира. Это ставит под вопрос универсальность принципа «адресности» в ТА.

И здесь возникает важнейшая для построения ТА проблема: как появляются субъективные смыслы в диалоге и на чем основано понимание мировоззрения Другого, т. е. «видения» чужих, не совпадающих с нашими, культурных смыслов, делающее возможным «изменение концептуальной системы, лежащей в основании отношения адресата к миру, предмету, ситуации» [31, с. 86]. Ответ на этот принципиальный вопрос можно найти в метафизике диалога Бахтина: интерсубъективные смыслы не привносятся извне, а рождаются каждый раз «заново» в ходе критического диалога, где его участники выступают не как противники, а как соучастники, «непрерывно трансформирующие друг друга в каждом акте сознания, в процессе обретения нового опыта» [32, с. 150]. При успешной аргументации происходит встречное взаимодействие сознаний, в ходе которого транслируемый аргументатором смысл воспринимается адресатом как собственный и делает аргументацию успешной [33].

Взаимоактуализация смыслов субъектов — участников коммуникации способствует изменению убеждений в ходе полемики, потому что любой диалог чреват имплицитной возможностью изменения позиций его участников. Она может превратиться в действительность лишь при условии наличия неотчуждаемой свободы участников высказывать свою позицию, а также интерсубъективного поля смыслов, формируемого системой культуры, задающей не только нормативные схемы и структуры аргументации, но и личностные смыслы, делающие возможным «резонанс в целое» (Т. де Шарден).

Таким образом, методологический потенциал концепции смысла в диалоговедении Бахтина дает возможность наметить нетрадиционные пути исследования прагматически успешных квазилогических рассуждений, являющихся предметом исследовательского интереса представителей неориторики. Он позволяет раскрыть глубинную природу *успешных аргументаций*, т. е. тех, которые приводят к изменению позиции адресата в диалоге «в эмпирических коммуникативных актах живой реальной полемики» [34, с. 117], в ситуации, когда личностные смыслы Я становятся созвучны смыслам Другого.

И хотя сегодня диалог исследуется в первую очередь в эмпирики-бытийном (а не метафизическом) значении как обмен речевыми актами в ходе аргументативного дискурса, идеи Бахтина можно использовать как в качестве методологической основы для понимания природы феномена аргументации и способов построения различных моделей ТА, ориентированных на специфические предметные дискурсы или тот или иной аспект диалога, так и при разработке теорий человека в различных гуманитарных науках, позволяя преодолевать дегуманизацию современного аргументативного дискурса, порождаемую постоянным присутствием конкуренции в человеческих отношениях, когда Другой рассматривается как Чужой, что поднимает множество новых вопросов. Однако, несмотря на «неустрашимую шероватости» (М. Хайдеггер), любые попытки диалогического поиска общих смыслов внушают надежду «сближения людей, даже при осознании их различий» [35, с. 445].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Баева Л.В. Цифровой диалог в обучении: когнитивные, социальные, экзистенциальные особенности и риски. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Философия*, 2022, т. 26, № 2, с. 439–453.
- [2] Крючкова С.Е. *Стратегии аргументации в Древнем мире*. Москва, Юрайт, 2020, 169 с.
- [3] Герасимова И.А. *Введение в теорию и практику аргументации*. Москва, Логос, 2007, 310 с.
- [4] Брюшинкин В.Н. Обобщенная системная модель аргументации. *Аргументация и интерпретации*, Калининград, Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006, с. 11–17.
- [5] Крючкова С.Е., Храпов С.А. Аргументативный дискурс в коммуникативном пространстве современной культуры. *Философская мысль*, 2017, № 6, с. 36–50.
- [6] Еемерен Ф.Х. ван. *Современное состояние теории аргументации. Важнейшие концепции теории аргументации*. Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ, 2006, с. 14–33.
- [7] Герасимова И.А. Классическая и неклассическая логика: возможности и границы применения. *Эпистемология и философия науки*, 2006, т. VIII, № 2, с. 203–214.
- [8] Тюпа В.И. *Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике*, Москва, Языки славянской культуры, 2010, 320 с.

- [9] Чернышева А.В. Диалог как форма бытия и понимания культуры: М.М. Бахтин и В.С. Библиер. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 2011, № 3, ч. 1, с. 190–192.
- [10] Левин Г.Д. Диалог: гносеологический механизм и гуманитарная функция. *Наука глазами гуманитария*. Москва, Прогресс-Традиция, 2005, с. 262–268.
- [11] Гиршман М.М. *Литературное произведение: Теория художественной целостности*. Москва, Языки славянской культуры, 2007, с. 451–462.
- [12] Бахтин М.М. Заметки, 1961 год. В кн.: Бахтин М.М. *Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5*. Москва, Русские словари, 1997, 731 с.
- [13] Демидова Е.В. Отсутствие Другого в философии поступка Бахтина. *Этическая мысль*, 2014, вып. 14, с. 271–289.
- [14] Назарчук А.В. *Теория коммуникации в современной философии*. Москва, Прогресс-Традиция, 2009, 318 с.
- [15] Понцо А. «Другость» у Бахтина, Бланшо, Левинаса. В кн.: Валицкая А.П., ред. *Бахтинология*. Санкт-Петербург, Алетейя, 1995, с. 60–78.
- [16] Длугач Т.Е. Диалог в современном мире: М. Бубер — М. Бахтин — В. Библиер. *Историко-философский ежегодник*, 2015, № 1, с. 191–242.
- [17] Чернышева А.В. *Проблемы культуры в русской философии*. Москва, Изд-во МГОУ, 2008, 260 с.
- [18] Бахтин М. *Проблемы творчества Достоевского*. Киев, Алконост, 1994, 509 с.
- [19] Бахтин М. *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва, Советская Россия, 1979, 318 с.
- [20] Демидова Е.В. Проблема познания Другого в философии поступка М.М. Бахтина. *Этическая мысль*, 2016, т. 16, № 1, с. 66–76.
- [21] Бахтин М. *Эстетика словесного творчества*. Москва, Искусство, 1979, 423 с.
- [22] Кочергин А.Н. Роль концепции диалогизма в судьбах цивилизации (М.М. Бахтин, М. Бубер, К. Ясперс). *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*, 2017, № 2, с. 45–52.
- [23] Гуссерль Э. *Картезианские размышления*. Москва, Академический проект, 2010, 315 с.
- [24] Ольхов П.А. Диалог как путь в историю. *Вопросы философии*, 2011, № 8, с. 125–132.
- [25] Легова Е.С. Диалог в творчестве Ф.М. Достоевского как проблема философии М.М. Бахтина. *Вопросы философии*, 2005, № 10, с. 140–150.
- [26] Булавка Л.А., Бузгалин А.В. Бахтин: диалектика диалога versus метафизика постмодернизма. *Вопросы философии*, 2000, № 1, с. 119–131.
- [27] Мейен С.В. *Принцип сочувствия: размышление об этике и научном познании*. Москва, ГЕОС, 2006, 210 с.
- [28] Брюшинкин В.Н. Когнитивный подход к аргументации. *РАЦИО.ru*, 2009, № 2, с. 2–22.
- [29] Доброхотов А.Л. Автор как субъект культуры. В сб.: Порус В.Н., ред. *Субъект и культура*. Санкт-Петербург, Алетейя, 2014, с. 124–138.
- [30] Чуешов В.И. О единстве логики и риторики в анализе аргументативного дискурса. В сб.: *Логико-философские штудии. Вып. 6*. Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петербургского университета, 2008, с. 37–49.

- [31] Зайцева Н.В. Феноменология и когнитивные основания аргументации. *РАЦИО.ru*, 2009, № 2, с. 85–102.
- [32] Смирнова Н.М. Когнитивные основания феноменологического конструирования. В кн.: Лекторский В.А., Стёпин В.С., Харре Р. [и др.]. *Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке*. Москва, Канон+, 2009, с. 141–168.
- [33] Крючкова С.Е. Субъект в пространстве аргументации. В сб.: Порус В.Н., ред. *Субъект и культура*. Санкт-Петербург, Алетейя, 2014, с. 394–418.
- [34] Зайцев Д.В., Зайцева Н.В. Мороз и солнце. Интерсубъективность в аргументации. *Мысль. Ежегодник С.-Петербургского философского общества*, 2006, № 6, с. 110–120.
- [35] Баева Л.В. Цифровой диалог в обучении: когнитивные, социальные, экзистенциальные особенности и риски. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Философия*, 2022, т. 26, № 2, с. 439–453.

Статья поступила в редакцию 26.02.2024

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Крючкова С.Е., Чернышева А.В. «Философия диалога» М. Бахтина как методология аргументативного дискурса. *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 2.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2024-2-897>

Крючкова Светлана Евгеньевна — д-р филос. наук, профессор, профессор департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ.
e-mail: SEKryuchkova@fa.ru

Чернышева Анна Владимировна — канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры «Социология и культурология» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: chernysheva@bmstu.ru

Philosophy of Dialogue by M. Bakhtin as a methodology in the argumentative discourse

© S.E. Kryuchkova¹, A.V. Chernysheva²

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, 125993, Russia

² Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper identifies methodological and heuristic potential of the M. Bakhtin's Philosophy of Dialogue being relevant in considering the meaning transmission problem according to the argumentative discourse. It shows significance of the Bakhtin's concept of the Other, which could be used as an ontological basis in creation of the augmentation cognitive models centering at the argumentative influence target and based on taking into account characteristics of the "addressee mental field" as the main factor in selecting the arguments. Research methodology is based on the following dialogism principles. They include as a method in studying the Other in argumentation: phenomenological approach by E. Husserl to understanding the subject as a necessary side within the persuasion process; non-rhetorical project by H. Perelman, who regards argumentative discourse as a way to achieving an agreement; as well as the Communicative Act theory by J. Habermas interpreting communication as a cooperative type in the dialogue interaction.

Keywords: communication, dialogue, argumentation, the Other, Philosophy of Dialogue, argumentation cognitive model

REFERENCES

- [1] Baeva L.V. Tsifrovoy dialog v obuchenii: kognitivnye, sotsialnye, ekzistentsialnye osobennosti i riski [Digital dialogue in learning: cognitive, social, existential features and risks]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya — RUDN Journal of Philosophy*, 2022, vol. 26, no. 2, pp. 439–453.
- [2] Kryuchkova S.E. *Strategiya argumentatsii v Drevnem mire* [Argumentation strategies in the Ancient World]. Moscow, Yurayt Publ., 2020, 169 p.
- [3] Gerasimova I.A. *Vvedenie v teoriyu i praktiku argumentatsii* [Introduction to the theory and practice of argumentation]. Moscow, Logos Publ., 2007, 310 p.
- [4] Bryushinkin V.N. Obobshchennaya sistemnaya model argumentatsii [Generalized system model of argumentation]. In: *Argumentatsiya i interpretatsiya* [Argumentation and interpretation]. Kaliningrad, RGU im. I. Kanta Publ., 2006, pp. 11–17.
- [5] Kryuchkova S.E., Khrapov S.A. Argumentirovannyi diskurs v kommunikativnom prostranstve sovremennoy kultury: problemy teorii [Argumentative discourse in communication space of modern culture: problems of theory]. *Filosofskaya mysl — Philosophical Thought*, 2017, no. 6, pp. 36–50.
- [6] Eemeren France H. van. *Sovremennoe sostoyanie teorii argumentatsii. Vazhneyshie kontseptsii teorii argumentatsii* [The current state of the theory of argumentation. Most important concepts of the theory of argumentation]. St. Petersburg, Filologicheskii Fakultet SPbGU Publ., 2006, pp. 14–33.
- [7] Gerasimova I.A. Klassicheskaya i neklassicheskaya logika: vozmozhnosti i granitsy primeneniya [Classical and non-classical logic: possibilities and limits of application]. *Epistemologiya i filosofiya nauki — Epistemology & Philosophy of Science*, 2006, vol. VIII, no. 2, pp. 203–214.

- [8] Tyupa V.I. *Diskursnye farmatsii: Ocherki po komparativnoy ritorike* [Discourse formations: Essays on comparative rhetoric]. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ., 2010, 320 p.
- [9] Chernysheva A.V. Dialog kak forma bytiya i ponimaniya kultury: M.M. Bakhtin i V.S. Bibler [Dialogue as existence and culture understanding form: M.M. Bakhtin and V.S. Bibler]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki — Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2011, no. 3, part 1, pp. 190–192.
- [10] Levin G.D. Dialog: gnoseologicheskiy mekhanizm i gumanitarnaya funktsiya [Dialogue: epistemological mechanism and humanitarian function]. In: *Nauka glazami gumanitariya* [Science through the eyes of a humanitarian]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2005, pp. 262–268.
- [11] Girshman M.M. *Literaturnoe proizvedenie: Teoriya khudozhestvennoy tsennosti* [Literary work: Theory of artistic integrity]. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ., 2007, pp. 451–462.
- [12] Bakhtin M.M. Zametki, 1961 god. [Notes, 1961]. In: Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy* [Collection of works]. In 7 volumes. Vol. 5. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 1997, 731 p.
- [13] Demidova E.V. Otsutstvie Drugogo v filosofii postupka Bakhtina [The absence of the Other in Bakhtin's philosophy of the act]. *Eticheskaya mysl — Ethical Thought*, 2014, vol. 14, pp. 271–289.
- [14] Nazarchuk A.V. *Teoriya kommunikatsii v sovremennoy filosofii* [Theory of communication in the modern philosophy]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2009, 318 p.
- [15] Ponzio A. “Drugost” u Bakhtina, Blansho, Levinasa [“Otherness” in Bakhtin, Blanchot, Levinas]. In: Valitskaya A.P., ed. *Bakhtinologiya* [Bakhtinology]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 1995, pp. 60–78.
- [16] Dlugach T.E. Dialog v sovremennoy mire: M. Buber—M. Bakhtin—V. Bibler [Dialogue in the contemporary world: M. Buber—M. Bakhtin—V. Bibler]. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik — History of Philosophy Yearbook*, 2015, no. 1, pp. 191–242.
- [17] Chernysheva A.V. *Problemy kultury v russkoy filosofii* [Problems of culture in the Russian philosophy]. Moscow, MGOU Publ., 2008, 260 p.
- [18] Bakhtin M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's creativity]. Kyiv, Alkonost Publ., 1994, 509 p.
- [19] Bakhtin M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1979, 318 p.
- [20] Demidova E.V. Problema poznaniya Drugogo v filosofii postupka M.M. Bakhtina [Cognition of the Other in M.M. Bakhtin's Philosophy of the Act]. *Eticheskaya mysl — Ethical Thought*, 2016, vol. 16, no. 1, pp. 66–76.
- [21] Bakhtin M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, 423 p.
- [22] Kochergin A.N. Rol kontseptsii dialogizma v sudbakh tsivilizatsii (M.M. Bakhtin, m. Buber, K. Jaspers) [The role of dialogism concept in the civilization's fortune (M. M. Bakhtin, M. Buber, K. Jaspers)]. *Gumanitariy: Aktualnye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya — Humanitarian: actual problems of the humanities and education*, 2017, no. 2, pp. 45–52.
- [23] Husserl E. *Cartesian meditations*. The Hague, Martinus Nijhoff, 1973 [In Russ.: Gusserl E. Kartezianskie razmyshleniya. Moscow, Akademicheskiiy Proekt Publ., 2010, 315 p.].
- [24] Olkhov P.A. Dialog kak put v istoriyu [Dialogue as a path to history]. *Voprosy filosofii — Russian Studies in Philosophy*, 2011, no. 8, pp. 125–132.

- [25] Legova E.S. Dialog v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak problema filosofii M.M. Bakhtina [The dialogue in the work of F.M. Dostoevsky as the problem of the philosophy of M.M. Bakhtin]. *Voprosy filosofii — Russian Studies in Philosophy*, 2005, no. 10, pp. 140–150.
- [26] Bulavka L.A., Buzgalin A.V. Bakhtin: dialektika dialoga versus metafiziki postmodernizma [Bakhtin: dialectic dialogue versus postmodern metaphysics]. *Voprosy filosofii — Russian Studies in Philosophy*, 2000, no. 1, pp. 119–131.
- [27] Meyen S. V. *Printsip sochyuvstviya: razmyshleniya ob etike i nauchnom poznanii* [The principle of sympathy: reflections on ethics and scientific knowledge]. Moscow, GEOS Publ., 2006, 210 p.
- [28] Bryushinkin V. N. Kognitivnyi podkhod k argumentatsii [Cognitive approach to argumentation]. *RATIO.ru*, 2009, no. 2, pp. 2–22.
- [29] Dobrokhotov A.L. Avtor kak subyekt kultury [The author as a subject of culture]. In: Porus V.N., ed. *Subyekt i kultura* [Subject and culture]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2014, pp. 124–138.
- [30] Chueshov V.I. O edinstve logiki i ritoriki v analize argumentativnogo diskursa [On the unity of logic and rhetoric in the analysis of argumentative discourse]. In: *Logiko-filosofskie shudii. Vyp. 6* [Logical-philosophical studies. Iss. 6]. St. Petersburg, St.-Petersburg University Publ., 2008, pp. 37–49.
- [31] Zaitseva N.V. Fenomenologiya i kognitivnye osnovaniya argumentatsii [Phenomenology and cognitive foundations of argumentation]. *RATIO.ru*, 2009, no. 2, pp. 85–102.
- [32] Smirnova N.M. Kognitivnye osnovaniya fenomenologicheskogo konstruirovaniya. [Cognitive foundations of phenomenological design]. In: Lektorskiy V.A., Stepin V.S., Kharre R. et al. *Konstruktivistskiy podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke* [Constructive approach in epistemology and human sciences]. Moscow, Kanon+ Publ., 2009, pp. 141–168.
- [33] Kryuchkova S.E. Subyekt v prostranstve argumentatsii. [Subject in the space of argumentation]. In: Porus V.V. *Subyekt i kultura* [Subject and culture]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2014, pp. 394–418.
- [34] Zaytsev D.V., Zaytseva N.V. Moroz i solntse. Intersubektivnost v argumentatsii [Frost and the sun. Intersubjectivity in argumentation]. *Mysl. Ezhegodnik St.-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva — Thought. Yearbook of the St. Petersburg Philosophical Society*, 2006, no. 6, pp. 110–120.
- [35] Baeva L.V. Tsifrovoy dialog v obuchenii: kognitivnye, sotsialnye, ekzistentsialnye osobennosti i riski [Digital dialogue in learning: cognitive, social, existential features and risks]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya — RUDN Journal of Philosophy*, 2022, vol. 26, no. 2, pp. 439–453.

Kryuchkova S.E., Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation. e-mail: SEKryuchkova@fa.ru

Chernysheva A.V., Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: chernysheva@bmstu.ru